

Б. И. Осипов (Омск)

Несколько замечаний о В. И. Лыткине как фонетисте

Известно, что В. И. Лыткин внимательно относился к такой стороне развития фонетического строя пермских языков, как давнее взаимодействие с фонетическими системами соседних языков, в том числе и русского. Одна из ранних работ ученого посвящена сравнению древнерусских /š/, /ž/ и коми-зырянских /š/, /ž/¹. Взаимодействие со звуковым строем тюркских и русского языков затрагивается в обстоятельной статье В. И. Лыткина, написанной в зрелый период его деятельности – “Некоторые вопросы вокализма финно-угорских языков”². Рассмотрев с большой тщательностью рефлексы /o/ разных типов в различных диалектах пермских языков (удмуртского, коми-зырянского), В. И. Лыткин делает вывод об исключительной важности учета диалектного материала при изучении данной проблемы. В настоящее время, особенно после работ В. К. Кельмакова³, плодотворность этого вывода едва ли может вызывать сомнения.

Но, развивая мысль В. И. Лыткина, мне хотелось бы обратить внимание и на важность учета русских диалектных особенностей при исследовании пермской исторической фонетики. В. И. Лыткин, говоря о хронологии перехода /o/ в /u/, приводит тезис Д. В. Бубриха о поздней датировке такого перехода. Этот тезис аргументируется переходом /o/ в /u/ в заимствованиях из русского языка. Тут же приводится иная точка зрения: Ю. Вихманн считает, что причиной появления /u/ на месте /o/ в русизмах является не поздняя хронология, а тюркское посредство.

В связи с этим хочется обратить внимание на то, что все приводимые на этот счет примеры: *kuso* ‘коса’, *ukno* ‘окно’, *kul'-č'o* ‘кольцо’ – обнаруживают переход /o/ в /u/ лишь в соседстве с заднеязычным согласным. Между тем русским говорам Удмуртии известна позиционная закрытость /o/ в этом положении, то есть реализация этой фонемы звуком, средним между [o] и [u] – [ō]. Так, во время экспедиции в село Андреевцы мной были за-

фиксированы случаи такого произношения в том же слове *окно* [òkno], его деминутиве *окошко* ([òkòško]), а также в словах *охотник* ([òxòt'n'ik]), *кокорина* ([kòkòr'ina] 'кусочек коры'. (Студенты фиксировали эти слова и с [u], ошибочно идентифицируя необычный для литературного языка аллофон фонемы /o/ с фонемой /u/, что вполне естественно). При этом данная черта наблюдается лишь в речи старшего поколения, принадлежа, таким образом, к одной из наиболее архаичных черт говора.

Замечу, что позиционная закрытость [ò] не получила отражения в русской диалектологической литературе. Более известен факт наличия русских говоров с особой фонемой /ò/. На территории Удмуртии я с такими говорами не сталкивался, но вообще в вологодско-вятской группе говоров они есть. (Наличие /ò/ в говоре писца отражено, например, Вологодско-Пермской летописью XVI в.)⁴. Укажем и на закрытость [ò] первого предударного слога в неполноокающих говорах Поволжья.

Думаю, что указанные факты заслуживают внимания пермистов. Русский закрытый [ò] мог рефлексироваться на пермской почве как [u] независимо от сроков собственно пермского перехода [o] в [u]. Снимается и необходимость в гипотезе о тюркском посредстве, которая представляется искусственной, поскольку пермские народы достаточно давно вступили с русскими в непосредственные контакты.

Остановлюсь еще на одном моменте истории пермского вокализма, нашедшем отражение в работах В. И. Лыткина. Анализируя переход [e] в [o] в соседстве с велярными, В. И. Лыткин использует для его объяснения гипотезу о длительном сохранении лабиализованности [k] и [g] в удмуртском. Не будучи подкреплена другими фактами, эта гипотеза выглядит малоубедительной. Между тем необходимость в ней также отпадает, если мы обратимся к акустической классификации звуков, в которой велярные и лабиальные объединяются в одну группу – группу низких и, как показывает спектрографический анализ, обнаруживают одинаковое воздействие на соседние звуки, снижая их шумовые и формантные характеристики⁵. Так, аллофоны русской фонемы /e/ в словах *кеб* ([kép] 'вид повозки') и *процесс* ([pracés]) существенно различаются: в первом из них аллофон гораздо ниже по частотным характеристикам второй форманты и в какой-то мере приближается к удмуртскому [ò], например, в слове *кõ* 'жернов'.

Из вопросов, касающихся собственно русской фонетики, В. И. Лыткин затрагивал проблему фонематической сущности звука [y] ([ы] в кириллической транскрипции, [i] в латинской финно-угроведческой)⁶. Он поддерживал в этом вопросе точку зрения Л. В. Щербы и его учеников о том, что указанный звук реализует особую фонему, а не является одной из реализаций фонемы /i/. Иногда говорят, что В. И. Лыткин находился в данном случае под воздействием фонологических систем финно-угорских языков, для целого ряда которых (в частности, для удмуртского) фонематическая самостоятельность [y] ([ы], [i]) не подлежит сомнению. Но если это даже и так, то разве не стоит обратить внимание на типологическую возможность и широкую представленность языков с несомненным противопоставлением по признаку ряда двух нелабиализованных фонем верхнего подъема? Типологическая представленность языков с данной фонологической оппозицией лишает вопрос о фонеме /y/ какой бы то ни было экзотичности: русский язык в этом отношении выглядит экзотическим только на фоне современных индоевропейских языков.

Но если даже не принимать во внимание типологическую сторону дела и оставаться в рамках собственно русской вокалической системы на ее современном синхронном срезе, то и тут, вопреки заявлениям М. В. Панова о нецелесообразности дальнейшей дискуссии по поводу фонемы /y/, не все до конца ясно. Наиболее очевидна несимметричность отношений [o] – [õ], [a] – [ã], [u] – [ũ], с одной стороны, и [y] – [i] – с другой: в первом случае в качестве позиционно независимых членов чередования выступают первые (непередние) члены каждой пары, а во втором случае – второй (передний) член. Не обращалось внимания на такой факт, как параллели [i] – [y] в окончаниях существительных: нельзя считать позиционным чередованием выбор [i] или [y] в таких парах, как *кони* – *законы*, тем более *лоси* – *сыны*. В первом случае [y] возникает как результат совпадения формы номинатива с формой аккузатива, а во втором – дело обстоит еще сложнее, поскольку перед нами слова, первоначально принадлежавшие разным склонениям, да и теперь имеющие разную парадигму. По сути дела здесь перед нами случай, подобный случаям типа *гусь* – *гусыня*: вторичная мягкость конечного согласного корня не играет роли, если после него появляется [y]. Древняя зависимость твердости-мягкости согласного от следующего гласного (а не на-

оборот) сохраняется и портит всю игру тем, кто абсолютизирует синхронию и системность. Слов нет, перед нами асистемное явление с точки зрения современного звукового строя русского языка, но специфика языка как системы развивающейся в том и состоит, что никогда, ни на каком синхронном срезе он не существует без асистемных явлений. Игнорировать их – игнорировать развитие⁷.

Отнюдь не таким анекдотическим, как это пытаются представить М. В. Панов, выглядит в связи с рассуждениями о фонеме /y/ и указание В. И. Лыткина на противопоставление вроде литературного *башкир* и диалектного *башкыр*. Чем другим, как не фонемным составом, различаются эти формы? А ведь с точки зрения московской фонологической школы фонемный состав этих двух огласовок одинаков, поскольку [k'] рассматривается в этой школе как вариант фонемы /k/⁸, а [y] – как вариант фонемы /i/. Между тем подобные огласовки могут противопоставляться не только как диалектные и нормативные, но и как нейтральные и сниженные. Таково, например, противопоставление *киргиз* – *кыр-гыз*: слова *кыр-гыз* и *кыр-гызуха* в устах простого человека звучат по отношению к киргизу совершенно так же, как слова *вотьяк* и *вотьянка* по отношению к удмурту, то есть как пренебрежительные. (Увы, это не было учтено при попытке внедрить в русский язык новую, “суверенную” огласовку названия Киргизии и киргизов)⁹. Конечно, можно спорить, различаются ли подобные пары фонемами /k/ – /k'/ или фонемами /y/ – /i/, но нельзя исключить в этом споре и третьего ответа: они различаются и теми, и другими – и гласными, и согласными.

Так или иначе, В. И. Лыткин показал себя в этом вопросе противником упрощенно-схематического решения тонких вопросов фонологии и сторонником тщательного учета всего фактического материала, который дает ученому сложная и многогранная жизнь языка¹⁰.

Примечания и литература

¹ Лыткин В. И. Древнерусские *ѣ, ѝ*, зырянские *ś, ź* // Доклады АН СССР. Л., 1928.

² Лыткин В. И. Некоторые вопросы вокализма финно-угорских языков // Вопросы финно-угорского языкознания. М., Л.: Изд. АН СССР, 1962.

³ Кельмаков В. К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Ижевск: Изд. Удм. ун-та, 1993; и др. работы этого автора.

⁴ О говорах с фонемой /ɔ/ см.: Васильев Л. Л. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI–XVIII вв. Л., 1929; Колесов В. В. Эволюция фонемы /ɔ/ в северо-западных говорах // Филологические науки. 1962, № 3; Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985; Русская диалектология / Под ред. Колесова В. В. М., 1990. С. 55.

⁵ См. об этом, напр.: Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977. С. 108–110.

⁶ Лыткин В. И. Фонема и научная транскрипция звуков // Русский язык в школе. 1946. № 3–4.

⁷ Одна из последних по времени публикаций по вопросу о фонеме /y/ – ст.: Фонин Д. С. К вопросу о фонеме /ы/ в русском языке // Русский язык в школе. 1976. № 5. В настоящее время этим автором подготовлена и направлена в тот же журнал еще одна статья на эту тему, содержащая ряд дополнительных соображений в пользу фонемной самостоятельности /y/ (статья известна мне в рукописи). См. также: Осипов Б. И. Краткий курс русской фонетики. Омск, 1992. С. 46–47.

⁸ Впрочем, начиная с 60-х годов некоторые представители московской школы склоняются к признанию фонемной самостоятельности мягких заднеязычных (ср.: Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967. С. 233). Но в момент написания статьи В. И. Лыткина их взгляд на этот вопрос был однозначным. Заметим, что в случаях вида *башкир* – *башкыр* нет и “диэремы”, которая как будто спасает положение в случаях вида *к Ире* – *Кире*, где состав фонем, с точки зрения “москвичей”, тоже одинаков.

⁹ См. об этом: Осипов Б. И. Нерусские ответы на русский вопрос // Русский вопрос: история и современность: Тезисы докл. Всероссийской научной конференции. Омск, 1992. Ч. II. С. 63–65.

¹⁰ Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Лыткина (Удмуртский государственный университет, октябрь 1994 г.).